

Глава 14. Зачем нужны друзья

Сытно поужинав, я с довольным видом погладил свой округлившийся живот и мельком глянул на часы — пора было закругляться. Но стоило Цзюй Лэсину спросить, почему я не привожу на занятия друзей, как я замер, едва потянувшись к рюкзаку.

— Сестренка боится боли и быстро устает, — со смехом ответил я, вспомнив лукавую физиономию Цзи Сюэинь. — Она пару раз заглянула, но так и не решилась записаться.

Тренер вдруг сменил тему:

— Знаешь, в чем истинный смысл мужской дружбы?

Я на мгновение опешил и, не задумываясь, выпалил стандартное:

— И в радости, и в горе — всё пополам?

Он одобрительно кивнул:

— Именно. Так ответь: занятия здесь для тебя — это радость или мука?

Я замаялся. Если честно, тхэквондо мне безумно нравилось: и отработка движений, и спарринги приносили только удовольствие. Но вот это навязчивое внимание девчонок... оно действительно превращалось в пытку.

Цзюй Лэсин поднялся, помог мне надеть рюкзак и, пока мы спускались, посмотрел на меня с каким-то странным намеком. Я даже не сразу понял, к чему он клонит. Уже прощаясь на шестом этаже, он похлопал меня по плечу и заговорщицки шепнул:

— Если есть друзья, которым это интересно, приводи. Денег за учебу не возьму, зато тебе будет не так скучно.

О! Я невольно осклабился — дошло. Ну и хитрец же вы, тренер! Куда там мне до вас. Выходит, вы предлагаете мне найти «живой щит»? Идея и впрямь здравая: если у меня будет постоянный напарник для тренировок, посторонние уже не подступятся.

И кандидатура у меня была только одна — Гао Нин.

Гао Нин был по-настоящему одинок. Это чувство крепло во мне каждый раз, стоило мне переступить порог его огромной «золотой клетки». За все зимние каникулы я ни разу не встретил в его доме никого, кроме него самого и няни Сань И. Его родители управляли

бизнесом в нескольких крупных городах и бывали дома от силы месяц в году.

Но даже в этот месяц им удавалось пообедать вместе лишь на Китайский Новый год. Пока были живы бабушки и дедушки, родители заглядывали хотя бы на пару дней в месяц, теперь же он и вовсе не знал, где они.

В учебное время было проще: школа бурлила жизнью, а по вечерам ждала домашняя работа — грустить было некогда. На каникулах он сам записался на курсы олимпиадной математики и английского, но, по его словам, среди чужих учителей и одноклассников на душе всё равно оставалась пустота.

Мы виделись часто, но каждый раз, когда я собирался уходить, он неизменно провожал меня от самого крыльца до трассы за пределами коттеджного поселка. Он не просил: «Цзи Сюэлин, побудь еще немного», но он выглядел таким тоскливым, что слова были не нужны.

Я звал его к себе, но он, помня тот случай с моим переломом, всё никак не мог переступить через неловкость. Да и Сюэинь... С ней всё было сложнее. Гао Нин прекрасно чувствовал, что она его недолюбливает.

Стоило нам затеять игру, как сестренка нарочно оттирала его в сторону, мертвой хваткой вцеплялась в мою правую руку и демонстративно отворачивалась, хлеща его по лицу своим конским хвостом. Ей не нужно было говорить гадости — её поведение било больнее слов. Поэтому я не настаивал на его визитах.

В последнее время он начал сдавать позиции: в его речах всё чаще проскальзывало желание проводить больше времени вместе. Поняв, что момент настал, я сказал ему: если завтра он свободен, пусть к восьми утра ждет меня у «Спортивного города» — я покажу ему кое-что интересное.

Гао Нин просиял.

— Ты хочешь, чтобы я тренировался с тобой тхэквондо, да? Признавайся!

Вот же лис! Я ведь еще ни слова не сказал, как он догадался?

Я уставился на него, а он, гордо задрав подбородок, победно фыркнул:

— Я еще в день каникул заметил, как ты на ту рекламу в «Спортивном городе» заглядывался. Потом спросил — и точно, ты записался. И даже меня не позвал! Скажи еще, что мы друзья после этого?

— Брат сначала должен был разведать обстановку, чтобы ненароком не столкнуть тебя в омут, — заюлил я, скрывая смущение и легонько толкая его в плечо. — Оцени заботу!

На самом деле он был на седьмом небе от счастья. Гао Нин так и льнул ко мне, обнимая за талию и весело похихикивая.

В этом был весь он — парень с зашкаливающим чувством собственного достоинства. В душе он отчаянно ждал, когда я позову его с собой на тренировки, но ни за что бы не признался в этом первым. Ему нужно было, чтобы инициатива исходила от меня. Этот ершистый ребенок, запертый в пустом доме, стал слишком чувствительным к любым проявлениям одиночества.

Будь на его месте прямодушный Вэй Ицзунь, он бы сразу высказал мне всё недовольство в лицо, а потом, виляя воображаемым хвостом, поплелся бы за мной на занятия. Цзунь обожал компанию и готов был поддержать любую мою затею — его уверенность в том, что мы должны быть вместе, всегда обезоруживала.

Глядя на ликующего и одновременно обиженного Гао Нина, я вновь ощутил знакомый укол жалости. По сравнению со мной, сиротой, принятым в семью Цзи, его нить родственной близости казалась куда более тонкой и хрупкой.

Живя в сердце шумного мегаполиса, он напоминал маленького одинокого зверька, затерянного в бескрайней пустоши. Я слишком хорошо знал этот холод, это гнетущее чувство отсутствия опоры... Знал, что только тепло и крепкие объятия близких могут излечить эту рану.

Когда красавчик Гао Нин наконец появился в зале, эффект был оглушительный. Ровно то, на что я рассчитывал.

Утром я привел его в кабинет к директору, чтобы заполнить анкету. Наш добрейший проректор Юй оказался на высоте: увидев новую «золотую антилопу», он проявил чудеса радушия — не только освободил парня от оплаты, но и выдал новенький белоснежный добок. На прощание он отечески похлопал Гао Нина по плечу, выразив надежду, что тот продержится до конца каникул.

Когда мы вышли и направились в раздевалку, Гао Нин, сияя от восторга, зашептал мне на ухо:

— А директор-то наш — мировой мужик!

Слышите? Еще ни одного урока не посетил, а уже — «наш». Чувство сопричастности било через край!

Я втихомолку посмеивался. «Погоди, — думал я, — сейчас ты познаешь истинное гостеприимство наших учениц». В группе начального уровня всё еще томились с десятков девочек, не прошедших аттестацию в наш класс, и каждая из них была словно искра в зимнюю стужу: стоит задеть — и соришь дотла!

В тот день мы тренировались вместе в средней группе. Будучи «гостем», Гао Нин моментально

приковал к себе взгляды всех местных ценительниц прекрасного. А когда выяснилось, что он пришел со мной, девчонки в перерыве обрушились на нас мощным селевым потоком, наперебой пытаясь завязать знакомство.

Надо отдать Гао Нину должное — в лучах славы он чувствовал себя как рыба в воде. Если я на любой вопрос выдавливал из себя невнятное «угу» или «ага», то он, нацепив маску невозмутимого школьного идола, с явным удовольствием купался в лучах всеобщего поклонения.

Приклей ему нос с горбинкой — вылитый Энди Лау. Зачеши волосы назад — вылитый Чоу Юньфат.

Но стоило нам вырваться из окружения, как Гао Нин презрительно скривился. Сказал, что девчонки эти — пустышки, и общаться с ними — всё равно что в цирке выступать: можно только подыгрывать.

— Ну ты и философ! — подколот я его, искренне удивляясь такой перемене в лице. — Ты что, даже девушку себе завести не хочешь? Выбирай любую, брат могила — никому не скажу.

Гао Нин вдруг посмотрел на меня с пугающей серьезностью. Я нервно хихикнул — когда он становился таким глубокомысленным, мне почему-то делалось не по себе.

<http://bllate.org/book/17483/1694791>